

поспешные оценки, шаржи и карикатуры мужиков, красноармейцев, большевиков и их вождей, перед глазами встаёт фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека – фигура живописная и трагическая, фигура, переживающая катаклизмы российской истории с таким страданием, с каким можно переживать только свою собственную и невыносимую физическую боль; фигура воистину героического типа, одержимо утверждающая **свою правду** и готовая ради неё идти своим путём до конца, хоть на дыбу, хоть на крест. Нынешним публицистам учиться и учиться у Бунина не только мастерству слова, но бесстрашию и мужеству, непродажности, верности своим взглядам и своему долгу.

Скажу, однако, и другое: читать бунинскую публицистику, перечитывать “Окаянные дни” тяжело, а временами – крайне неприятно. В своих взглядах на жизнь и историю Бунин чрезвычайно пристрастен и тенденциозен, чего он сам не отрицал. Страсть затмевает человеку разум.

О прошлом, о том, что было, но что смела революция, Бунин пишет с теплотой и нежностью. И его нельзя не понять: там осталось всё лучшее в его жизни и все его надежды.

И никакого намёка на светлое ни в настоящем, ни в будущем. Все акценты в бунинской публицистике сделаны исключительно на грехах и тёмных сторонах революции, новой власти и революционной “толпы”. Бунин в упор не хотел видеть хоть что-нибудь положительное в революции и во всём, что происходило вокруг, старательно собирал всё дрянное, ужасающее, ничтожное, чем полна жизнь во всякие времена и всюду, но особенно – в период разломов истории и смут. Слишком много злобы, слишком много желчи, слишком много ненависти. Несогласие и протест вызывают именно пережлёт, нарушение чувства меры. “Люблю и ненавижу” одновременно – вот состояние, в котором пребывал Бунин долгие годы эмиграции. “Кто смеет учить меня любви к России?” – возмущённо вопрошал он. И тут же из его груди исторгался вопль: “Мщенья, мщенья!”

Признанный одним из лучших писателей своего времени, Бунин-публицист говорил с миром от имени русской литературы, русской культуры, полагая, что исполняет миссию перед русской историей. Говорил о России, о русской душе, русском характере, русском народе, русской истории, о русской революции, о власти большевиков и ее вождей, о мировой революции и советской власти. Не говорил, а приговаривал, полагая, видимо, что он не только имеет на это право, но и способен дать верные ответы на все вопросы бытия.

Но как избежать революций? Вот вопрос вопросов! На этот фундаментальный вопрос Бунин отвечает наивными словами Льва Толстого, которыми тот пытался упредить царя Николая II от революции, советовал ему: “Любите врагов своих!..” “Идите по пути христианского исполнения воли Божией...” И так – во многих случаях.

Как человеку огромного таланта, Бунину во многом можно верить. Особенно в постановке вопросов. Но верить Бунину в ответах во всём, слепо и безрассудно, нельзя.

О ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ

Как известно, публицистика – это литература по общественно-политическим вопросам современности. Но в какой степени публицистика как род **литературы** может быть художественной? Конечно, прежде всего – это вопрос талантливости автора. Но будь ты гений среди гениев, коль взялся за публицистику, то поневоле погружаешься **в политику**, а значит, **и в идеологию** – особые и сложнейшие сферы жизни и области специального знания. Представить, будто “Окаянные дни” – это **“художественное произведение”**, в котором есть страницы, “которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным”¹, как это писал М. А. Алданов, – это слишком. На мой взгляд, “Окаянные дни” – документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона. Но качество публицистической литературы определяется не художественностью, а глубиной проникновения в социальную материю и главное – **ответами** на злобу дня. Не злобой, не ненавистью, а истиной, способной разрешить противоречие, конфликт. Но такой позитивной задачи Бунин перед собой даже не ставил.